

П. В. Крылов

«Крушение 98 года» и моральное возрождение Испании в творчестве Рафаэля Альтамира-и-Кревеа

В 2018 г. исполнится 120 лет скоротечной испано-американской войне (25 апреля — 12 августа), завершившейся полным поражением Испании и утратой пиренейским королевством Кубы, Пуэрто-Рико, Гуама и Филиппин — почти всех остатков некогда обширной колониальной империи. Глубина национального унижения, пережитого подданными Альфонса XIII (1886–1931), порой становилась причиной личных трагедий. 29 ноября 1898 г. покончил с собой молодой философ и дипломат Анхель Ганивет (1865–1898), автор нескольких вызвавших интеллектуальный резонанс сочинений, в том числе «Собрания испанских идей»¹. Для целой когорты испанских гуманитариев военное и дипломатическое поражение их страны стало поводом задуматься о причинах катастрофы и о способах ее преодоления. Одним из них стал Рафаэль Альтамира-и-Кревеа (1866–1951), получивший у владеющего русским языком читателя известность лишь в год своей кончины, когда увидел свет сокращенный до двух томов и ограниченный хронологически XVIII в. перевод его фундаментального труда, четырехтомной «Истории Испании и испанской цивилизации», публикация которой растянулась на десятилетие — с 1900 по 1911 г.² Название также подверглось решительной редактуре, в результате которой слово «цивилизация» было безжалостно вымарано³. В предисловии к советскому изданию отмечалось, что «при всех недостатках, присущих книге

Альтамиры, следует иметь в виду, что она в большей степени, чем любая иная сводная работа испанских буржуазных историков, дает представление о социальной истории Испании, об истории испанского народа»⁴. Известная благожелательность к автору и его труду была бы невозможна, если бы он, в свою очередь, не проявил благожелательности по отношению к СССР, ответив тем, кто критически отзывался о вмешательстве советских специалистов в гражданскую войну 1936–1939 гг. Абзац из его «Учебника истории Испании», опубликованного в изгнании и ставшего своеобразным завещанием ученого⁵, заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью: «Вмешательство России в пользу испанской республики было, в реальности, весьма скромным, несмотря на то что участники июльского мятежа в своей адресованной миру пропаганде, настойчиво утверждали прямо противоположное, намереваясь сформировать в мире ложное общественное мнение, отталкивающееся от мифа о «большевистской угрозе». Оно сумело охватить большинство умов в Европе и даже Америке, представлявших представителей различных общественных классов, или из-за их излишней доверчивости или же по причине злой воли, отметавшей необходимость выслушивать обе стороны. Правда же состоит в том, что Россия не отправляла в Испанию ни регулярные войска, как поступали Германия и Италия, ни большого количество добровольцев. Принявшие участие в войне русские бойцы, приверженные коммунистическому учению, встречались крайне редко, даже если причислить к ним нескольких авиационных техников, в обязанности которых входило обучение испанцев, не владевших данными механизмами. Что же касается военных материалов, которые согласилось поставить русское правительство (грузовики, пушки и самолеты), то их количество было также очень невелико, а номенклатура сформировалась еще в годы Первой мировой войны. В то же время тоталитарные страны, а также и кое-кто другой предоставили в распоряжение мятежников вдоволь современного и нового оружия»⁶.

Система взглядов Р. Альтамира-и-Кревеа сформировалась задолго до того, как в Испании началась гражданская война, вынудившая его уехать в эмиграцию. Ключевым для него стал 1897 г., когда он, уже защитивший диссертацию на тему «История общинной собственности» под руководством историка и правоведа Гумерсиндо де Аскарате (1840–1917), занял кафедру истории права университета в Овьедо, где в следующем 1898 г. организовал «Открытые курсы» для широкого круга вольнослушателей. Начинание совпало по времени с поражением Испании и попало в самую точку, ответив на запрос испанской общественности на исторические знания. Лекции пользовались популярностью, от лектора вольнослушатели просили ответа на злободневные

вопросы современности, вынуждая его отказаться от привычного описания истории Испании как череды успешных царствований и искать новые темы и подходы. Материал, использовавшийся в лекциях, стал основой многотомника, заслужившего в историографии ряд весьма высоких оценок. К примеру, Тереса Родригес де Лесеа называет Альтамиру-и-Кревеа далеким провозвестником французской «Школы «Анналов»». По ее мнению, никому в ту пору неизвестный профессор из Астурии предвосхитил свойственный ученикам Марка Блока и Люсьена Февра подход к преподаванию истории, ориентированный на формирование у студента навыков чтения источника, будь то письменного или, к примеру, визуального⁷.

Концепция мировой и национальной истории

Впрочем, сам Альтамира считал своей первостепенной задачей создание общей картины прошлого Испании, на базе которой можно было бы написать школьный учебник, содержание которого соответствовало бы принципу, который он сформулировал в сочинении «Свод педагогических идей»: «Двумя фундаментальными опорами общественного мира являются справедливость и то, что мы, по общему согласию, называем культурой, а именно, знания и воспитанность»⁸. Работа растянулась на десятилетия и была завершена только во второй половине 1940-х гг. При этом автор шел по пути сведения объемной четырехтомной академической истории к однотомному учебнику.

Авторы комментария к советскому изданию труда Альтамиры предпочли, впрочем, обойти молчанием тему каких бы то ни было специфических черт его мировоззрения, отразившихся на принципах отбора материала и его изложения перед читателем. Альтамира был отнесен к категории «представителей буржуазно-либерального позитивизма», а его концепцию историописания З. В. Мосина определяет в предисловии к изданию как «плюралистскую, то есть признающую множественность и равнозначность факторов, лежащих в основе исторических явлений. В объяснении тех или иных событий Альтамира выдвигает одновременно и политические, и экономические факторы, а порой даже личные устремления королей или отдельных государственных деятелей; таким образом, он оказывается не в состоянии вскрыть внутренние закономерности исторического развития»⁹. Там же, где испанский автор склонен видеть проявления гуманизма среди испанских государственных или церковных деятелей, таких как Бартоломе де Лас-Касас, его утверждения решительно опровергаются не без помощи ссылок на классиков марксизма-ленинизма¹⁰.

Однако, если принять во внимание упомянутый выше учебник испанской истории, в котором довольно четко сформулированы идеологические постулаты, которых Альтамира намеревается придерживаться в работе, его отношение к числу позитивистов выглядит довольно спорно. Свою концепцию он

определяет так: «Без сожаления я пожертвовал всеми сведениями, что ничего не дают для формирования представления о сути испанского исторического процесса. К ним относятся, к примеру, имена королей, которые не оставили заметного следа, списки всех до единого сражений, а также пересказы дворцовых и дворянских интриг, если они не имели значимого влияния на жизнь всего общества». История пишется от первого лица, о чем Альтамира объявляет читателю с нескрываемой гордостью: «Для каждого момента нашей истории для каждого ее персонажа, которых я считаю важными, я последовательно сохранил их собственный облик, и, принимая во внимание эти достоверные описания, никто не сможет высказать сомнения в том, что мои суждения о том, был ли тот или иной факт благотворным или вредоносным с точки зрения моих убеждений, позволили мне скрыть или замолчать то, что произошло в реальности»¹¹. Одновременно отечественная история должна рассматриваться как часть истории всеобщей, и в какой-то момент испанская историография сможет «даже прийти в итоге к созданию учебников, в которых одновременно рассказывалось бы об обеих историях с соблюдением тех пропорций, которые требует национальный взгляд на прошлое». Первоочередным предметом интереса всеобщей истории, полагает Альтамира, являются взаимные влияния, оказываемые странами друг на друга, прежде всего в сфере государственных институтов и культуры. Он намеревается обратить особое внимание исследователей и преподавателей истории «на случаи, когда активность испанцев, будь то в сфере политики или в какой-нибудь иной области, входила в резонанс с мировой историей и превращала нашу страну в фактор международной жизни»¹². Тем самым автор развивает идеи, которые он уже высказывал в статье «Народы латинские и англосаксонские», опубликованной в 1900 г., где испанцы представали образцом утонченности, интеллектуальной гибкости и бескорыстия¹³. Нисколько, таким образом, не порывая со своими взглядами полувековой давности, вынужденный уехать из франкистской Испании Альтамира и в 1940-е гг. продолжает внушать читателю мысль о том, что в «эпоху Габсбургов культура Испании оказывала более значительное влияние на Европу, чем военная и политическая мощь ее королей»¹⁴. Свою аргументацию он строит на том, что «международное, публичное, политическое и колониальное право, в которых испанцами были предвосхищены те новые подходы к научному осмыслению этих проблем и предложены те идеи к их решению, которые сегодня возвращают к себе внимание и уважение; география и физика, обогащенные достижениями наших моряков, математиков и первооткрывателями новых земель», и так далее, от открытий Мигеля Сервета в области кровообращения до новых методик педагогов-иезуитов в области обучения глухонемых¹⁵. Особый акцент он делает на заслугах перед мировой наукой испанских историков, «которые, пересказывая факты завоевания и колонизации Америки, открыли новые методы историописания, поведав миру об успехах, обычаях, социальной структуре и верованиях американских народов, столь

отличных от всех прочих, известных в тот момент европейцам». Столь же высоко он оценивает и деятельность миссионеров, вынужденных по необходимости заняться изучением аборигенных языков и собравших материалы, ставшие основой для современного языкознания¹⁶. Отдав должное испанцам как основателям этнографии, антропологии и лингво-страноведения, Альтамира завершает свою похвалу испанской культуре одой театру, плутовскому роману и языку, будто бы конкурировавшему в XVII в. с латынью. Испаноязычный читатель не без удовольствия автора оказывался подведенным к итоговой сентенции: «Испания, таким образом, внесла существеннейший вклад в общее дело человеческой цивилизации, поделившись со всем миром результатами тех влияний, что были восприняты ею извне, но стали плодоносить именно здесь»¹⁷, которая по своему смыслу повторяла формулу, произнесенную четырьмя десятилетиями ранее: «Великая цивилизация, великий народ, принимающие свою историческую судьбу, даже исчезнув физически в потоке времени, оставляют после себя звучащую навеки мелодию, порожденную своим духом, и то наследие, которое будет жить в их потомках»¹⁸.

По поводу возможных обвинений в том, что он принижает Испанию и испанцев, «сравнивая поведение испанцев и испанского государства с поведением других человеческих групп и государств», ученый отвечает, что не ставил задачу ни очернять свою родину, ни обелять ее посредством указания на подобные грехи среди других. «Задачу мою я видел в том, чтобы привлечь внимание к универсальному характеру некоторых фактов и идей, чтобы стало более ясно, насколько сегодня сложно воздержаться от участия в них, а также, чтобы мы все вместе могли бы поработать над тем, чтобы исправить эти ошибки, вместо того чтобы указывать на грехи и жестокости других. Только таким образом мы сможем увидеть всю Историю с общей для всего человечества точки зрения, а не с узкого угла обзора отдельных наций»¹⁹. Однако, касаясь темы Контрреформации, не отказывается от констатации, что «чувство нетерпимости было свойственно в то время всем странам христианского мира, вне зависимости от верований»²⁰, что же касается репрессий в отношении инаковерующих, то их «было в достатке во всех частях человечества»²¹.

Историческое знание сможет приобрести значение, «если оно покинет свое состояние невежества относительно нашего прошлого и настоящего, если перестанет быть знанием полных ошибок слухов, простонародных суждений и легенд, принимаемых за доказанные факты». Одновременно оно должно быть доступным для массового и незатруднительного чтения. Альтамира признаётся, что пишет учебник для самоучек, которые желают владеть «элементарной исторической культурой, но не имеют большого времени, чтобы ей овладеть»²², не признаваясь, однако, в том, какую роль должна играть в ней приверженность идеалу, заимствованному им от последователей крауизма, учения, восходящего к творчеству немецкого философа К. К. Ф. Краузе (1781–1832), последователями которого были учителя Альтамиры Н. Сальмерон и Г. де Аскарате.

Более полно, чем в исторических сочинениях, он изложен в нравоучительных зарисовках и публицистике гуманитария из Овьедо. Пожалуй, наиболее ярко он проиллюстрирован фразой из уже упомянутой выше статьи «Народы латинские и англосаксонские»: «В основе цивилизующего действия и в качестве его главного последствия находится утверждение принципов любви и справедливости для всех представителей рода человеческого»²³.

Необходимо, впрочем, отметить, что Альтамира-и-Кревеа не воспроизводит в своих работах историософию К. К. Ф. Краузе, в отличие от одного из своих непосредственных предшественников Николаса Сальмерона (1837–1908)²⁴. Пространственно-хронологическая схема исторического процесса, связывающая его периодизацию с географической рамкой, осталась вне поля его научных интересов. И это еще одно доказательство того, что в краулизме не сложилось своего строгого догматического канона. Принадлежность к движению определяется причастностью к некоему «духу Краузе». Его можно попытаться описать, как это сделал Пинилла: «Посреди трагической печали “рождается” наиболее чистая радость, венчающая собой трагическое свершение катастрофы, в которой моральная свобода побеждает зло и оправдывает тем самым свою судьбу или провидение. Эта радость — есть предвестие благого свершения»²⁵. Вне зависимости от того, кажется ли это описание удачным или, как автору этих строк, не кажется вовсе, оно ничего не дает для решения вопроса о пребывании некоего мыслителя внутри или вне данного «благотворного (или тлетворного) духа»...

Нравоучительные этюды Альтамиры

Через несколько месяцев после окончания I Мировой войны Альтамира-и-Кревеа выпускает сборник очень коротких эссе. Некоторые из них занимают одну-две страницы карманного формата. Общее название сборника тривиально: «Книга максим и размышлений». В самое начало книги автор поместил заметку, посвященную понятию «патриотизм». По всей видимости, чтобы сразу обозначить свою позицию: «Когда говорим: “Я — патриот”, — мы должны думать о вопросе, который может последовать: “Что ты делаешь каждый день для того, чтобы твоя родина становилась лучше, богаче, образованней, трудолюбивей, законопослушней, более проникнутой духом прогресса, более наполненной человеческими чувствами, более взаимосвязанной во всей совокупности ее составных частей, более внимательной к своей судьбе и своей ответственности перед настоящим и будущим?” И если мы найдем, что ответить на этот вопрос перед совестью, то можем спокойно повторить: “Да, я — патриот”. В противном случае подобное заявление выглядит бесплодным излишанием, против которого мы должны выступить столь же энергично, сколь и против любого оголтелого антипатриотизма»²⁶. Процитированная Альтамирой формула — «более

взаимосвязанной во всей совокупности ее составных частей»²⁷ — является сущностной для краулистского органицизма в том виде, в котором его разрабатывал Гумерсиндо де Аскарате, предполагающем признание прав коллективного субъекта наряду с индивидуальным²⁸. Одновременно Альтамира лишней раз указывает читателю на то, как он представляет себе то, что может считаться благом для родины, указывая на приоритет ее внутренних характеристик перед внешними символами величия, по сути дела, суммируя свои ранее высказанные рецепты возвращения Испании ее роли в международной политике.

Зарисовка «О человеческой мудрости» содержит попытку рационального истолкования материй, которые обыкновенно являются областью богословского размышления — о соотношении правоверия и благочестия: «Есть мудрость, основанная на жизненном опыте всех людей, и составляющая общий фонд для всех народов и индивидуумов, а также та, что, вследствие общности и неизменности человеческой природы, является вечной и значимой для всех. Когда некий народ доверяет этот опыт книге, нет ничего странного в том, что она превращается в Книгу»²⁹. Если посмотреть на это утверждение с точки зрения «Силлабуса» папы Пия IX, оно вовсе не покажется ортодоксальным, однако оно вполне соответствует духу панентеизма К. К. Ф. Краузе, приверженцем которого, не указав его имени, продемонстрировал себя Альтамира.

Наконец, пользуясь своей привилегией взирать на европейскую бойню 1914–1918 гг. со стороны, он никак не отказывает себе в возможности высказать ее моральное осуждение в главке «О понятии цивилизация»: «Последняя война только что выявила смысл понятия “цивилизация”. Ибо мы смешивали второстепенное с главным, средство с целью. Почему мы считали цивилизованным народ, владеющий мощной, способной завалить все мировые рынки товаром, промышленностью, передовой и оригинальной наукой, значительной литературой и философией, которая, несмотря на некоторый упадок, продолжала нести свет большей части человечества? Сегодня мы уже не будем так считать в том случае, если подобному народу не будет доставать гуманных и этических воззрений, в отсутствии которых, в своем стремлении добыть недостающее ему золото, он будет плавить железо и ковать из него цепи. Мы уже не сможем называть народ цивилизованным в христианском и идеальном смысле этого слова, несмотря на все материальные и умственные достижения, если такой народ окажется неверен в своих обещаниях, жесток с людьми, нечестив в отношении всего того, что олицетворяет высоту духа, презрителен в отношении соблюдения чужих прав, если для подобного народа личность — дешевый материал, уготованный в жертву Молоху ради удовлетворения амбиций государства и профессиональной гордости обожаемых классов. Народ, поступающий так, всегда пребудет отсталым и нецивилизованным, вне зависимости от того, сколь велики его мыслительные способности или материальные ресурсы»³⁰. Единственное по-настоящему цивилизующее человека средство — это его воспитание, и если «всё современное знание служит только для того, чтобы прези-

рать униженных, обманывать доверчивых и оправдывать насилие и господство над ближними, тогда мы напрасно потеряли время», пишет он в одном из тех нескольких размышлений, что посвящены задачам современной школы³¹.

Достоин упоминания, что тема Молоха, прозвучавшая в одной из зарисовок Р. Альтамиры, будет регулярно встречаться в теологии освобождения. Например, у Энрике Дусселя, для которого Молох, требующий принесения человеческих жертв, напрямую ассоциируется не с империалистической войной, а с капиталом вообще³². Но самое существенное состоит, пожалуй, в том, что сочинение на тему этики известного испанского историка демонстрирует его принадлежность к традициям краузианства не только в понимании тождественности цивилизации и миротворчества, но и в следовании тем принципам, которые Томас Нойер считает для него характеризующими, согласно формуле: «Рациональность, нравственность, религиозность»³³.

Альтамира и мечта об Испанской Америке

Отдельного внимания заслуживают предложения Рафаэля Альтамиры о том, каким образом в XX в. следует осуществить возвращение Испании в Латинскую Америку, полностью утраченную бывшей империей в предшествующем столетии. Изложенные в написанных в последние годы XIX в. статьях, собранных в книгу «Испано-американские вопросы», вышедшую под впечатлением от «Несчастья 1898 г.»³⁴, окончательно развеявшего иллюзии относительно державного величия страны, они выявили не только эмоциональную реакцию Р. Альтамиры-и-Кревеа на утрату остатков американских владений, но и понимание необходимости поиска новых подходов в отношении бывших колоний. То, что Т. Родригес де Лесеа называет «кризисом испанской идентичности», породило острое желание вернуть чувство самоуважения, но не посредством бесплодных усилий воскресить отжившие формы колониального господства, а в соответствии с духом современной цивилизации»³⁵. Разумеется, Альтамира не был первым, кто вынашивал мечты о восстановлении гармонии в отношениях между «материнской страной» и «дочерними нациями», о перспективах взаимопомощи и торгового сотрудничества³⁶. Однако прежде проекты подобного рода апеллировали прежде всего к потребностям материального свойства: экономического или военного, — то в сочинениях Альтамиры эта сторона вопроса показательно отсутствует. Является ли это результатом его понимания ее неадекватности историческому моменту, в который он делится своими мыслями? Или умолчание — результат его убеждений? Определенный ответ едва ли возможен.

Определенным, напротив, является категорическое убеждение автора в том, что «испанская Америка хочет быть вместе с Испанией и желает составить вместе с ней в недалеком будущем объединенную этническим происхождением

силу, которая будет противовесом влиянию англосаксов и славян, и решительным образом заставит считаться с собой в определении судеб человечества». «Интеллектуальные преимущества Испании, — утверждает он, — обладают для мира большей привлекательностью, чем простая политическая мощь»³⁷. Именно такой набор из трех конкурирующих между собой за жизненное пространство рас: латинской, англосаксонской и славянской — не выглядит изобретением Рафаэля Альтамиры. В этом он показывает себя наследником Франсиско Муньоса дель Монте, уроженца Санто-Доминго. Последний в 1855 г. опубликовал в нескольких номерах газеты «Америка» свои размышления о борьбе за мировое господство между латинскими, англо-германскими и греко-славянскими народами. Статья под названием «Европа и Америка» должна была, по мысли автора, предостеречь «исполненных католической веры, склонных к живому воображению, воодушевлению и занятиями изящными искусствами и красноречием» и, к тому же, миролюбивых «латинян» от угрозы со стороны «снедаемых завоевательным пылом» соседей, всё различие между которыми заключалось в том, что англо-германцы привыкли занимать новые территории прыжками, а славяне освоили способ действовать «тихой сапой»³⁸. Альтамира подхватывает образ и несет его дальше.

Боль от утраты колоний пульсирует в его статье «Испанские университеты и американская культура»: «Понятно, что новым американским нациям, чья борьба за политическую независимость пришлась на первую треть нашего века, потребуется еще много лет, чтобы предать забвению ужасы братоубийственной войны и задуматься об отношениях, требуемых более спокойным взглядом на наши общие насущные интересы. Те же настроения действуют и в Испании, возможно, даже еще с большей силой, коль скоро именно она была побеждена в сражении. Взаимные предрассудки, сомнения и подозрения, порожденные подобным положением дел в обеих — европейской и американской — половинах испанского духа, приводят к низменной мелочности в их политических отношениях друг с другом, отражающейся в мелочности в отношениях американских государств между собой»³⁹. Надо определить, кто несет ответственность за провал. Автор посвящает этому статью «Наша американская политика» — памфлет против консервативного правительства Франсиско Сильвелы (1843–1905) и консерваторов как таковых, на совести которых, как он уверяет читателя, и лежит отчуждение между бывшими колониями и метрополией⁴⁰.

Единство Испании и Латинской Америки мыслится Р. Альтамирой в категориях культурно-мировоззренческого свойства. Их он обнаруживает две. Первая — отношение к образованию и науке, которые считаются среди людей наиболее развитых и вдохновленных средствами улучшения жизни в своих странах. Автор уверен, что их объединяет уважение к испанской науке, которая рассматривается в качестве наиболее адекватной поставленным задачам⁴¹.

Вторая — испанский язык, над обогащением и изучением которого трудятся, притом иногда более упорно и продуктивно, чем испанские, писатели, линг-

висты и литературоведы Латинской Америки, чью деятельность Р. Альтамира считает вполне успешной. Особенно он отмечает чилийского поэта Андреаса Белло (1781–1865), а также Хуана Гарсия дель Рио (1794–1856), писателя и сподвижника Симона Боливара. Выделяет и классика перуанской литературы Рикардо Пальма (1833–1919), чей подвижнический труд на посту директора национальной библиотеки в Лиме он горячо приветствует, а также вдохновителя создания Венесуэльской лингвистической академии Хосе Антонио Кальканьо (1827–1897)⁴².

Впрочем, путь к испано-американскому взаимопониманию загроможден тяжелыми препятствиями, вину за которые публицист возлагает преимущественно на деятельность правящих Испанией консерваторов. Первое состоит в том, что бывшая метрополия предстает перед Латинской Америкой «с пустыми руками», предлагая, в лучшем случае, лишь «наши благие намерения, наше сердечное гостеприимство, наши речи и банкеты», а в худшем — являет себя своей неприглядной стороной, отталкивающей испано-американские нации⁴³. Накануне поражения в войне 1898 г. о том же весьма пронизательно писал Анхель Ганивет: «Вместо того чтобы сделать что-нибудь новое, Испания скопирует Европу, и копирует ее плохо» в отношении Латинской Америки, будет стремиться к возвращению своего политического влияния, вместо того чтобы создать с ее странами «конфедерацию интеллекта и духа»⁴⁴.

Второе препятствие вызвано соседством со «Штатами янки» (sic! — *Estados yanquis*), чьи «политические свободы, культура и материальный прогресс будут вечным и мощнейшим искушением для близлежащих наций, стремящихся к богатству, культуре и свободе». В этих условиях, «несмотря на их опасения быть поглощенными (северным соседом. — П. К.) и чувством солидарности по отношению к Испании, борьба оказывается для нас лишенной больших надежд на успех»⁴⁵.

И если в наличии фактора «янки» Испания никак не могла быть повинна, то третье препятствие на пути восстановления общения между говорящими по-испански континентами оказывается всецело на совести пиренейских консерваторов. Это наследие «Старой Испании» с ее карлистскими войнами, кризисами и реакционной политикой, которая увенчалась поражением 1898 г., «противоречащим по самой своей сути основополагающим принципам американских республик»⁴⁶. Именно их он считает более склонными к принятию демократических институтов и социального реформаторства, чем бывшую метрополию.

Резюмируя печальное положение дел, Р. Альтамира-и-Кревеа произносит совершенно неоригинальную формулу: «Если мы хотим союза с (испанской. — П. К.) Америкой, мы должны возвести его на прочном основании, а не на лирических возгласах, будь они более или менее вдохновенны»⁴⁷. Однако облечь свою мысль в нечто более четкое он пока не может, но переводит вопрос внешнеполитического сотрудничества во внутривнутриполитическую плоскость: «Как

можем мы осуществлять эффективное влияние на американцев, создавая там образовательные центры, если мы раньше не преобразуем наши собственные школы? <...> Где найдем преподавателей, большинство которых — плохо, а достойное меньшинство — недостаточно для того, чтобы обеспечить интеллектуальную жизнь нации?»⁴⁸ Для проведения активной внешней политики Испании необходимо в первую очередь улучшение системы образования и содержания образовательных программ. Наконец, должна быть пересмотрена и экономическая политика пиренейского государства, потому что «обеспечить возрождение промышленности и развитие предпринимательской инициативы в Америке невозможно, если (испанское. — П. К.) государство будет продолжать ставить для них препоны, если оно будет тратить денежные поступления на непопулярные расходы, беспорядочно повышать налоги и защищать монополистов»⁴⁹.

Центральную проблему Альтамира видит в приоритетах испанской внешней политики, без изменения которых настоящее возвращение в Латинскую Америку будет, как он убежден, невозможно: «Испано-американские республики должны быть для нас чем-то несколько бóльшим, нежели Франция и Италия, и чем-то во много раз бóльшим, чем Англия или Россия. Более того, наши с ними взаимоотношения должны быть совершенно иного свойства, их должна отличать намного более глубокая связь, основанная на единстве нашего духа и общности интересов, а также на огромном количестве людей пиренейского происхождения, являющихся частью этих народов, наличие которых поддерживает в них патриотическое чувство»⁵⁰. На американском континенте еще встречаются «настоящие испанofilы, которые на протяжении многих лет кладут свои силы на поддержание славы нашего имени и на сохранение здоровыми тех достижений, которыми мы только и можем по-настоящему гордиться — достижений нашего духа»⁵¹. Задача Испании — не оттолкнуть этих людей окончательно, что неизбежно произойдет, как предостерегает публицист, если Испания останется необразованной.

Однако его собственный проект комплекса первоочередных мер, в неспособности разработать который он упрекает политиков, появился у него намного позднее — в 1911 г., уже после возвращения из поездки в Латинскую Америку, где он в 1909 г. прочитал курс методологии истории в Национальном университете Ла-Платы. В книге «Мое путешествие в Америку», написанной под впечатлением от увиденного в Аргентине, известный ученый дистанцируется не только от какой бы то ни было ирреденты, но и от сколь многочисленных, столь же и бесплодных, но весьма популярных в 40–60-е гг. XIX в. внешне-политических проектов. Одни намеревались связать бывшие колонии узлами торгово-экономического сотрудничества, другие, воспользовавшись угрозой агрессии со стороны США, настаивали на создании военно-дипломатического блока для совместного ей противодействия⁵². Предложения Р. Альтамиры содержат девять пунктов, приведенных ниже в той же последовательности, в какой они перечислены их автором:

1. Предоставление специального кредита для преподавательского обмена между университетами и школами Испании и Латинской Америки.
2. Создание программы финансирования проектов испанских ученых по исследованию различных аспектов общественной, экономической и интеллектуальной жизни испанской Америки.
3. Создание школ для латиноамериканских иммигрантов в Испании.
4. Введение таможенных льгот на ввоз и вывоз книг и учебных материалов, предназначенных для испаноамериканских коллег.
5. Регулярный обмен научными изданиями и учебными пособиями.
6. Финансирование поездок испанских делегаций на латиноамериканские научные форумы.
7. Приведение в порядок Архива по делам Индий в сотрудничестве с латиноамериканскими коллегами и институтами.
8. Учреждение государственного центра испано-американского сотрудничества в Мадриде.
9. Создание кафедры латиноамериканских исследований в университете Овьедо⁵³.

Программа, выработанная попробовавшим себя на поприще политического консультанта историком, выглядит, с одной стороны, очень конкретной, с другой же — почти неструктурированной. Меры финансового, административного и образовательного характера перечислены в ней без видимой попытки их систематизации. Тем не менее, она наполняет некоторым содержанием прозвучавший за полвека до того призыв Феррера де Коуто к «моральной реконкисте» бывших колоний⁵⁴. Наконец, она словно предвосхищает так называемую «концепцию мягкой силы», появление которой обыкновенно относят к работам Джозефа Ная 1990–2000-х гг.⁵⁵

Травматический опыт, пережитый испанским обществом в 1898 г., оказался весьма плодотворным раздражителем для части испанских интеллектуалов, в числе которых был Рафаэль Альтамира-и-Кревеа. Высказанные ими идеи иногда оказывались передовыми и опережающими на десятилетия разработки коллег из других стран, оставшись не вполне известными за рамками испаноязычного мира по причине языкового барьера. Знакомство с их творчеством было бы, однако, полезно, хотя бы в качестве восстановления исторической справедливости.

¹ *Ganivet Á.* Obras completas. T. I. Idearium español. Madrid: Librería general de Victoriano Suárez, 1923.

² *Altamira y Crevea R.* Historia de España y de la civilización española. Vol. I–IV. Madrid, 1900–1911.

³ *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. Т. 1 / Сокр. пер. с исп. Е. А. Вадковской, О. М. Гармсен; под ред. С. Д. Сказкина, Я. М. Света. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.

⁴ Там же. С. XIX. Относительно принципа отбора материала Я. М. Свет указывает: «К переводу на русский язык намечены первые три тома “Истории Испании”, охватывающие

период ее древней истории и средневековья. Первый том выходит в сокращенном переводе. Сокращению подверглись: раздел, посвященный истории культуры Испании, и частично подраздел архитектуры, в которых сведены случайные материалы, не представляющие интереса для историков». Там же. С. XX.

⁵ *Altamira y Crevea R.* Manual de Historia de España. 2a edición corregida y aumentada. Buenos-Aires, 1948. В предисловии ясно изложена позиция, согласно которой учебник «представляет собой по большей части результат, к которому автор пришел в итоге многолетних усилий, предпринятых для того, чтобы лучше и наиболее глубоко постичь историю моей родины и вместе с ней историю народа, который ее реализовал. И то, и другое являются на деле намного более сложным делом, нежели некоторые имеют обыкновение полагать, а другие и вовсе считают решенным, делая порой категорические обобщения, искать реальные основания для которых было бы напрасным трудом» (Р. 15).

⁶ *Altamira y Crevea R.* Manual de Historia de España. P. 545.

⁷ *Rodríguez de Lecea T.* “El krausismo y Latinoamérica” // Teresa Rodríguez de Lecea et al, El krausismo y su influencia en América Latina. Fundación Friedrich Ebert / Instituto Fe y Secularizad, 1989. P. 40.

⁸ *Altamira y Crevea R.* Ideario Pedagógico. Madrid: Edición Reus, 1923. P. 103.

⁹ *Альтамира-у-Кревеа Р.* История Испании. Т. 2 / Сокр. пер. с исп. Е. Л. Глушицкой, Р. И. Линцер и Н. Б. Томашевского; под ред. З. В. Мосиной. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 10–11. В частности, ссылкой на цитату из «Капитала»: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства» (*Маркс К.* Капитал. Т. I. М., 1949. С. 754).

¹¹ *Altamira y Crevea R.* Manual de Historia de España. P. 17.

¹² *Ibid.* P. 18.

¹³ *Altamira y Crevea R.* Latinos y anglosajones // Cuestiones Hispano-Americanas. Madrid: Rodríguez Serra, 1900. P. 66–67.

¹⁴ *Altamira y Crevea R.* Manual de Historia de España. P. 423.

¹⁵ *Ibid.* P. 424.

¹⁶ *Ibid.* P. 425.

¹⁷ *Ibid.* P. 429.

¹⁸ *Altamira y Crevea R.* Latinos y anglosajones. P. 66–67.

¹⁹ *Ibid.* P. 20.

²⁰ *Ibid.* P. 372.

²¹ *Ibid.* P. 374.

²² *Ibid.* P. 22.

²³ *Ibid.* P. 63.

²⁴ Политический деятель, достигший на пике своей карьеры поста президента Первой Республики с 18 июля по 7 сентября 1873 г., Сальмерон был скорее оратором, нежели исследователем. Тем не менее, заслуживает внимания его «Очерк законов истории и человеческого прогресса». См.: *Salmerón N.* Bosquejo de las leyes de la Historia y del progreso humano // Revista Europea. 1875. N 79. P. 321–329.

²⁵ *Pinilla Burgos R.* Krause y las artes. Madrid: Universidad pontifica Comillas, 2013. P. 52–53.

²⁶ *Altamira y Crevea R.* Libro de máximas y reflexiones. Madrid, 1919. P. 11–12.

²⁷ “Más unida en el conjunto de sus elementos components” (*Ibid.* P. 11).

²⁸ *Torregrosa Peris J. R.* El pensamiento político de don Gumersindo de Azcárate // Revista de estudios políticos. 1964. N 135–136. P. 130.

²⁹ *Altamira y Crevea R.* Libro de máximas y reflexiones. P. 53.

³⁰ *Ibid.* P. 66–68.

- ³¹ Ibid. P. 75: “Si todo el saber moderno no sirve más que para despreciar a los humildes, engañar a los confiados y legitimar la violencia y el dominio sobre los demás, hemos perdido el tiempo lastimosamente...”
- ³² Dussel E. Las metáforas teológicas de Marx. 1993. P. 14.
- ³³ Neuer T. Karl Krause (1781–1832) in der spanischsprachigen Welt: Spanien, Argentinien, Kuba. Leipzig, Univ. Verlag, 2004. S. 52.
- ³⁴ El Desastre de 1898.
- ³⁵ Rodríguez de Lecea T. «El krausismo y Latinoamérica». P. 26.
- ³⁶ Подробнее о паниспанистских проектах первой половины XIX в. см.: Van Aken M.J. Pan-Hispanism: its origin and development to 1866. Berkeley: Univ. of California press., 1959.
- ³⁷ Altamira y Crevea R. Nuestra política americanista // Cuestiones Hispano-Americanas. Madrid: Rodriguez Serra, 1900. P. 56.
- ³⁸ Van Aken M.J. Pan-Hispanism: its origin and development to 1866. P. 73–74.
- ³⁹ Altamira y Crevea R. Las universidades españolas y la cultura americana // Cuestiones Hispano-Americanas. Madrid: Rodriguez Serra, 1900. P. 7–8.
- ⁴⁰ Altamira y Crevea R. Nuestra política americanista. P. 56.
- ⁴¹ Ibid. P. 51.
- ⁴² Ibid. P. 52.
- ⁴³ Ibid. P. 56.
- ⁴⁴ Sánchez Vázquez A. Tres visiones de España (Unamuno, Ganivet y Machado) // Incursiones literarias. México: UNAM, Secretaría de Desarrollo Institucional: Dirección General de Publicaciones y Fomento Editorial y Facultad de Filosofía y Letras, 2009. P. 96–97.
- ⁴⁵ Altamira y Crevea R. Nuestra política americanista. P. 53.
- ⁴⁶ Ibid. P. 54.
- ⁴⁷ Ibid. P. 53–54.
- ⁴⁸ Ibid. P. 55.
- ⁴⁹ Ibid. P. 56.
- ⁵⁰ Altamira y Crevea R. Las universidades españolas y la cultura americana. P. 9–10.
- ⁵¹ Altamira y Crevea R. Latinos y anglosajones. P. 61–62.
- ⁵² Van Aken M.J. Pan-Hispanism: its origin and development to 1866. P. 79–88.
- ⁵³ Altamira y Crevea R. Discurso de recepción de la Universidad de La Plata // Mi viaje a América. 1911.
- ⁵⁴ Van Aken M.J. Pan-Hispanism: its origin and development to 1866. P. 115–116.
- ⁵⁵ Nye J. 1) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990; 2) Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004.

References

ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Historia de España y de la civilización española. Vol. I–IV*. [History of Spain and Spanish civilization. Vol. I–IV. In Spanish]. Madrid, 1900–1911.

ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Istoriya Ispanii*. T. 1–2 / Sokrashchennyi perevod s ispanskogo E. A. Vadkovskoi i O. M. Garmesen; pod red. S. D. Skazkina, Ya. M. Sveta. [The History of Spain. V. I–II. Short translation from Spanish by E. A. Vadkovskaya and O. M. Garsen. In Russ.] Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1951.

ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Ideario Pedagógico*. [The Pedagogic Ideas. In Spanish]. Madrid: Edición Reus, 1923.

ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Las universidades españolas y la cultura americana* [The Spanish universities and the American culture. In Spanish] // Hispano-American Questions. Madrid: Rodriguez Serra, 1900.

ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Latinos y anglosajones* [Latins and Anglo-Saxons. In Spanish] // Hispano-American Questions. Madrid: Rodriguez Serra, 1900.

ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Libro de máximas y reflexiones* [A Book of Máximas and Reflections. In Spanish]. Madrid, 1919.

- ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Manual de Historia de España. 2a edición corregida y aumentada* [Handbook of History of Spain. In Spanish]. Buenos-Aires, 1948.
- ALTAMIRA Y CREVEA, RAFAEL. *Nuestra política americanista* [Our American Politics. In Spanish] // Hispano-American Questions. Madrid: Rodríguez Serra, 1900.
- DUSSEL E. *Las metáforas teológicas de Marx* [The theological metaphors of Marx. In Spanish]. 1993.
- GANIVET, ÁNGEL. *Obras completas. T. I. Idearium español*. [Works. T. I. Spanish ideology. In Spanish]. Madrid: Librería general de Victoriano Suárez, 1923.
- NEUER, THOMAS. *Karl Krause (1781–1832) in der spanischsprachigen Welt: Spanien, Argentinien, Kuba*. [Karl Krause (1781–1832) in the Hispanic world: Spain, Argentina, Cuba. In German]. Leipzig: Univ. Verlag, 2004.
- NYE, JOSEPH. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books, 1990.
- NYE, JOSEPH. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004.
- PINILLA BURGOS, RICARDO. *Krause y las artes*. [Krause and Arts. In Spanish]. Madrid: Universidad pontificia Comillas, 2013.
- RODRÍGUEZ DE LECEA, TERESA. *El krausismo y Latinoamérica* [The krausism in Latin America. In Spanish] // Teresa Rodríguez de Lecea et al. *El krausismo y su influencia en América Latina*. Friedrich Ebert Foundation / Institute of Believe and Secularism, 1989.
- SALMERÓN, NICOLÁS. *Bosquejo de las leyes de la Historia y del progreso humano* [An essay on the laws of History and Human progress humano. In Spanish] // Revista Europea. N 79. 1875.
- SÁNCHEZ VÁZQUEZ, ADOLFO. *Tres visiones de España (Unamuno, Ganivet y Machado)* [Three visions of Spain (Unamuno, Ganivet and Machado). In Spanish] // Litteral Incursions. México: UNAM, Secretaría de Desarrollo Institucional: Dirección General de Publicaciones y Fomento Editorial y Facultad de Filosofía y Letras, 2009.
- TORREGROSA PERIS, JOSÉ RAMÓN. *El pensamiento político de don Gumersindo de Azcárate* [Don Gumersindo de Azcárate as political thinker. In Spanish] // Revista de estudios políticos. 1964. N 135–136.
- VAN AKEN, MARK J. *Pan-Hispanism: its origin and development to 1866*. Berkeley: Univ. of California press., 1959.

Список литературы

- Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. Т. 1–2 / Сокр. пер. с исп. Е. А. Вадковской, О. М. Гармен; под ред. С. Д. Сказкина, Я. М. Света. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.
- Altamira y Crevea R.* Historia de España y de la civilización española. Vol. I–IV. Madrid, 1900–1911.
- Altamira y Crevea R.* Ideario Pedagógico. Madrid: Edición Reus, 1923.
- Altamira y Crevea R.* Las universidades españolas y la cultura americana // Cuestiones Hispano-Americanas. Madrid: Rodríguez Serra, 1900.
- Altamira y Crevea R.* Latinos y anglosajones // Cuestiones Hispano-Americanas. Madrid: Rodríguez Serra, 1900.
- Altamira y Crevea R.* Libro de máximas y reflexiones. Madrid, 1919.
- Altamira y Crevea R.* Manual de Historia de España. 2a edición corregida y aumentada. Buenos-Aires, 1948.
- Altamira y Crevea R.* Nuestra política americanista // Cuestiones Hispano-Americanas. Madrid: Rodríguez Serra, 1900.
- Dussel E.* Las metáforas teológicas de Marx. 1993.
- Ganivet Á.* Obras completas. T. I: Idearium español. Madrid: Librería general de Victoriano Suárez, 1923.
- Neuer T.* Karl Krause (1781–1832) in der spanischsprachigen Welt: Spanien, Argentinien, Kuba. Leipzig, Univ. Verlag, 2004.
- Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990.
- Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004.
- Pinilla Burgos R.* Krause y las artes. Madrid: Universidad pontificia Comillas, 2013.
- Rodríguez de Lecea T.* El krausismo y Latinoamérica. Teresa Rodríguez de Lecea et al, El krausismo y su influencia en América Latina. Fundación Friedrich Ebert / Instituto Fe y Secularizado, 1989.
- Salmerón Nicolás.* Bosquejo de las leyes de la Historia y del progreso humano // Revista Europea. 1875. N 79.
- Sánchez Vázquez A.* Tres visiones de España (Unamuno, Ganivet y Machado) // Incursiones literarias. México: UNAM, Secretaría de Desarrollo Institucional: Dirección General de Publicaciones y Fomento Editorial y Facultad de Filosofía y Letras, 2009.

Torregrosa Peris J. R. El pensamiento político de don Gumersindo de Azcárate // Revista de estudios políticos. 1964. N 135–136.

Van Aken M. J. Pan-Hispanism: its origin and development to 1866. Berkeley: Univ. of California press., 1959.

П. В. Крылов. «Крушение 98 года» и моральное возрождение Испании в творчестве Рафаэля Альтамира и Кревеа

В статье исследуется творчество испанского историка и деятеля науки Рафаэля Альтамира и Кревеа, в частности влияние на его историографическую концепцию поражения Испании в войне с США в конце 1890-х гг., а также составление им плана возвращения испанского влияния в Новом Свете в начале 1900-х г.

Ключевые слова: Испания, историография, Латинская Америка, идеология, внешняя политика

P. V. Krylov. “The Disaster of 1898” and moral revival of Spain in the oeuvre of Rafael Altamira y Crevea

The article explores the oeuvre of the distinguished Spanish Scientist Rafael Altamira y Crevea. Above all his conception of historiography and his geopolitical project on the return of Spain in the Latin-American Affairs.

Key words: Spain, historiography, Latin America, ideology, foreign policy.

Крылов Павел Валентинович — к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
Krylov Pavel Valentinovich — Ph. D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru